

Гуру глобализации

Интервью Арвинда Субраманиана
с **Джагдишем Бхагвати**, теоретиком
по вопросам торговли и практиком
торговой политики

«**Ч**ТО ОНИ знают о крикете, если крикет — это все, что они знают?», — спрашивал К.Л.Р. Джеймс, известный тринидадский историк, эссеист и писатель о крикете. В наше время редко найдешь интеллектуала, который не пал бы жертвой узости знаний, которую осуждал Джеймс.

Джагдиш Бхагвати — один из тех редких людей, которые возвращают нас к эпохе классических ученых, писатель, обладающий огромными знаниями. Джон Мейнард Кейнс превозносил Альфреда Маршалла, экономиста из Кембриджа, за его «идеальную многосторонность». Это же можно сказать о Бхагвати, который является одновременно теоретиком и практиком в области торговой политики, искусно владеет пером и легко находит свое место как в академических кругах, так и на колонках обозревателей или в коридорах власти. Человек, который пытается доказать преимущества свободной торговли, ссылаясь на повесть Бальзака, не может остаться незамеченным.

В том, что за последние четыре десятилетия границы стран стали более открытыми и остаются таковыми, есть определенная заслуга Бхагвати. Его основополагающие теоретические работы и та политика, которую он пропагандирует, сыграли, по словам Пола Кругмана, «важную, хотя и мало заметную роль в том, что протекционизм не получил широкого распространения». Поэтому, когда переговоры на Дохском раунде заходят в тупик или вновь раздаются призывы к введению ограничений на китайский импорт или наказанию фирм, которые предательски выдают подряды за границу, мы можем рассчитывать на то, что Бхагвати, словно кот Макавити, поведет наступление на противников свободной торговли. «Для тех, кто решает бороться за свободу торговли, это становится делом всей жизни. Как персонаж фильмов про Джеймса Бонда по имени Челюсти, протекционизм возникает снова и снова, каждый раз принимая новые формы», — говорит он корреспонденту «Ф&Р». Непоколебимый оптимист, Бхагвати является не только ветераном успешной борьбы с твердолобыми индийскими протекционистами и хулителями Японии, но и совсем недавно — с Джо Стиглицем и другими подобными ему деятелями и неправительственными организациями (НПО), ставшими воплощением современного движения против глобализации.

Бхагвати неумоимо работал над расширением дискуссии по экономическим вопросам, и отчасти с этой целью он основал в 1971 году весьма успешное издание *Journal of International Economics* и в 1989 году — *Economics and Politics*. Он является автором многочисленных статей и книг по вопросам развития, иммиграции, извлечения ренты, демократии и экологических и трудовых норм, отмеченных несколькими премиями. Он был учителем и научным

руководителем нескольких поколений экономистов, занимающихся вопросами торговли, а также являлся консультантом Всемирной торговой организации (ВТО) и Организации Объединенных Наций (ООН). Все его страстные и аргументированные работы написаны остроумным и изящным пером (см. вставку). Резюмируя вышесказанное, он в течение многих лет являл собой незримую, но весьма влиятельную силу на международной политической арене.

Выдающийся ученый

Бхагвати родился в 1934 году в известной индийской семье, имевшей семерых детей и скромный достаток, но ценившей образование и придерживавшейся высоких социальных идеалов. Он вспоминает о счастливом, хотя и спартанском, детстве, когда скудный кошелек открывался только для одной поблажки: дети имели неограниченный счет в местном книжном магазине и жадно прочитывали классическую индийскую и западную литературу. Эта инвестиция себя оправдала: один брат стал председателем Верховного суда Индии, другой — знаменитым на весь мир нейрохирургом, а третий высоко уважаемым металлургом. В этой семье достижения детей были почти предопределены.

Дар слова

«Язык важен. Метафоры важны», — настаивает Бхагвати, который для объяснения и убеждения умело пользуется своим остроумием и изяществом слога. (Сборник его статей и очерков «A Stream of Windows» («Вереница витрин») был удостоен престижной премии Эклса за выдающиеся успехи в области работ по экономике). Возьмем, к примеру, используемую им аналогию с шурином для объяснения различий между извлечением ренты и коррупцией. Он объясняет, что, когда вы лоббируете ради извлечения ренты и тратите на это средства, — это прямая непродуктивная деятельность (ПНД). Но если есть шурин, который неизбежно получит эту ренту, никто и не подумает лоббировать. Но тогда речь идет о коррупции, а не ПНД. Если только, конечно, какой-нибудь дальновидный проходец не потратится на обхаживание сестры, чтобы стать шурином и получить ренту. Тогда мы опять имеем дело с извлечением ренты».

Отвечая на доводы тех, кто выступает против свободной торговли, потому что она ведет к деиндустриализации и разрушает связи между промышленностью (например, производителями томатной пасты) и сельским хозяйством (например, производителями помидоров), он пишет: «Когда я читал проникновенный пассаж о ферме, на которой выращиваются помидоры, и заводе, на котором делается томатная паста, я ел свой любимый апельсиновый джем английской компании «Crabtree and Evelyn». И я подумал, что я понятия не имел, что в Англии выращивают апельсины».

ны, а вот идеология явно не была задана: брат, ставший председателем Верховного суда, является таким же убежденным социалистом, как Бхагвати — поборником рынков и конкуренции.

После окончания средней школы Св. Ксавье и Сиденхэмского колледжа, одного из лучших учебных заведений в Бомбее, Бхагвати отправился в Кембридж в Англии для изучения права и экономики. Его отец, судья Верховного суда Индии, возлагал большие надежды на то, что он станет юристом. Но независимо мыслящий сын оставил юриспруденцию, увлекшись экономикой и идеей использовать ее на социальное благо. Кроме того, как отмечает Бхагвати, еда в колледже Св. Джона в Кембридже была «не такая отвратительная», как в университетской столовой Линкольна в Лондоне.

Когда он приехал в колледж Св. Джона, его наставник К.У. Лиллбод приветствовал его следующими словами: «Знаете, индусы всегда были никчемными учениками в Кембридже». Но уже на втором курсе Бхагвати написал курсовую работу об «ущербном росте» — экономическом росте, который настолько ухудшает условия торговли страны, что начинает падать благосостояние. Эта работа, опубликованная в 1958 году, породила огромное число статей в духе «теоремы второго наилучшего», согласно которой, в общих словах, положительные явления (экономический рост и приток капитала) при наличии определенного ограничения могут вести к отрицательным результатам.

Закончив учебу в Кембридже в Англии, где учителями Бхагвати были, например, Николас Калдор, Джоан Робинсон и Гарри Джонсон, он отправился в Кембридж в штате Массачусетс, где закончил аспирантуру Массачусетского технологического института и где его учителями были Пол Самуэлсон, Чарльз Киндлбергер и Роберт Солоу, впоследствии также ставшие его коллегами и сослуживцами. Затем последовал непродолжительный период работы в Оксфорде, где Бхагвати работал с другими выдающимися экономистами, такими как Джон Хикс и Рой Харрод. В 1961 году Бхагвати ушел с академической работы, сменив ее на суматошную жизнь в Индии, где он был прикомандирован Статистическим институтом Индии к Индийской комиссии по планированию. По-

лучив задание разработать пути повышения жизненного уровня 30 процентов самых бедных слоев населения Индии, он пришел к выводу, который сегодня является постулатом экономики развития: неперенным условием сокращения бедности является экономический рост.

Для молодого экономиста эти годы были также отмечены работой в тесном взаимодействии с основателями новой независимой Индии — премьер-министрами Неру и Индирой Ганди, а также Махаланобисом, высоко эрудированным советником Неру, который был, кроме того, архитектором стратегии индустриализации Индии. Этот опыт дал ему глубокое понимание реальной жизни, столь пригодившееся ему на протяжении его карьеры. Даже занимаясь столь любимой им теоретической работой, Бхагвати оставался в курсе проблем живой политики, определяющих социальное благосостояние.

Прививка от протекционизма

Примерно в 1961 году настал момент озарения, и появилась одна из самых важных работ в послевоенной теории торговой политики — «Domestic Distortions, Tariffs, and the Theory of the Optimum Subsidy» («Внутренние искажения, тарифы и теория оптимальной субсидии»). Написанная в соавторстве с В.К. Рамасвами, государственным чиновником, она была опубликована в *Journal of Political Economy* в 1963 году. До этой статьи оптимальность свободной торговли в теоретической литературе подвергалась нападкам с самых разных сторон — от доводов в пользу защиты зарождающейся промышленности до аргументов о неэластичности заработной платы и вторичных эффектах. В статье делалась оговорка о том, что свободная торговля действительно не оптимальна при наличии искажений в экономике. Но если искажения можно исправить с помощью подходящего инструмента политики, оптимальность свободной торговли восстанавливается — и этот результат справедлив в большинстве случаев. Например, если на производство действуют внешние эффекты, свободная торговля действительно может быть субоптимальной, но если можно предоставить субсидию для расширения производства, которое создает внешние эффекты, свободная торговля остается наилучшей политикой. Приводимый в статье

анализ, даже несмотря на признание неэффективности многих рыночных механизмов, которой можно было бы обосновать протекционизм, значительно сужает круг доводов в пользу протекционизма.

Многие не замечают, что принцип, разработанный Бхагвати и Рамасвами, также является основой классических работ Питера Даймонда и Джеймса Мирлиса по вопросам государственных финансов, перечисленных в объявлении о присуждении Нобелевской премии Мирлису. Опубликованные несколькими годами позже, эти статьи показывают, что эффективность производства не должна нарушаться, так как существуют налоги на потребление, которые вполне могут использоваться директивными органами для достижения их целей или исправления каких-либо искажений.

В 1966 году Бхагвати уехал из Индии, перейдя в Колумбийский университет в Нью-Йорке. Это были трудные времена для экономики Индии, где он работал одним из экономических советников индийского правительства: после длительного периода медленного роста страну поразила сильная засуха, а равнодушная реакция международного сообщества на просьбы о финансовой помощи поставила Индию перед лицом серьезного экономического кризиса. Ганди последовала рекомендации своих экономических советников, включая Бхагвати, и девальвировала национальную валюту со всеми вытекающими из этого последствиями. Некоторые рассматривали отъезд Бхагвати из Индии как бегство ученого с места реальных событий, так как его рекомендации не могли «выдержать испытания жизнью». На самом деле у него были причины личного характера: он решил жениться на Падме Десаи, которая также была известным ученым.

В 1968 году Бхагвати перешел из Колумбийского университета в Массачусетский технологический институт на престижную должность профессора. Последовало несколько лет плодотворной научной работы, когда он вместе со своими коллегами, в частности Рамасвами и Сринивасаном, занялся систематизированной разработкой теории торговли, искажений и благосостояния. Его теоретическая работа охватывала преференциальные торговые соглашения, сопоставление эффекта тарифов и импортных квот и политэкономии торговли. В 1980 году Бхагвати вернулся в Колумбийский университет, где прошла большая часть его жизни как ученого.

В полемике с директивными органами

Теоретические работы Бхагвати были многочисленными и временами новаторскими, а его публикации по вопросам политики были глубоко продуманными и оказали большое влияние. Бхагвати, являясь теоретиком торговли, мог бы сказать, что он одинаково превосходно владеет и вопросами теории, и вопросами политики. Другими словами, он лучше кого бы то ни было в обеих областях, и трудно определить, в какой из них он преуспел больше. Возможно, его самый ранний и наиболее важный вклад в политику — это его работы по вопросам развития и стратегии развития. В его книгах об Индии, написанных в соавторстве сначала с его женой Падмой Дасаи (1970), а позднее со Сринивасаном (1975), содержится систематизированный анализ и перечень проблем экономического планирования и издержек политики, ориентированной на внутренний рынок. Эти книги вошли в сопоставительные исследования по разным странам, которые координировали, соответственно, Ян Литтл, Тибор Ситовски и Морис Скотт для Организации экономического сотрудничества и развития и Бхагвати и Энн Кригер для Национального бюро экономических исследований. Эти работы позволили заложить науч-

ную основу для последующего отказа многих стран, включая Индию, от политики дирижизма и автаркии в экономике.

В начале 1980-х годов Бхагвати начал интересоваться политэкономией торговой политики. В результате появилась его очень популярная книга «Протекционизм», в которой торговая политика исследуется через призму трех определяющих факторов — идей, интересов и институтов, — в которой анализ переплетается с короткими историями и фактами. В конце 1980-х и начале 1990-х годов он сосредоточил внимание на торговой политике США, которая ставила своей задачей добиться открытости иностранных рынков — особенно рынков Японии и развивающихся стран — на том основании, что их торговля является «недобросовестной». Требования открытия рынков часто подкреплялись угрозой применения торговых санкций. Бхагвати объяснял такую «агрессивную односторонность» падением экономической мощи США, которое он остроумно назвал «синдромом слабеющего великана». Он не боялся в открытую критиковать тех, кто прибегал к недобросовестной торговле ради узко коммерческой выгоды, и говорить об угрозе, которую такая односторонность несет многосторонней торговой системе. Его диагноз спада в США оказался преждевременным, но в этом он был не одинок. Однако он был прав в том, что касается последствий односторонней политики США, которая доказала свою пагубность, когда США вынудили развивающиеся страны укрепить патентные режимы. Результаты переговоров по интеллектуальной собственности сказались на атмосфере торговли и впоследствии способствовали противостоянию по многим вопросам между промышленно развитыми и развивающимися странами в ВТО.

«Он непоколебимо пропагандировал идею свободной торговли, даже тогда когда она была немодной».

Затем Бхагвати направил свое перо против преференциальных торговых соглашений. Для него недискриминационная либерализация торговли — в одностороннем порядке или в контексте многосторонних переговоров — неизмеримо важнее региональных торговых соглашений, с помощью которых страны снижают барьеры в пользу некоторых, но не всех стран-партнеров. Делайте это самостоятельно или делайте это в Женеве, убеждал он страны, но с неизменной оговоркой в стиле доктора Сьюза: не надо этого делать в Брюсселе, Вашингтоне, Токио или даже Веллингтоне. Это он поднял тревогу по поводу быстро множасьшихся региональных торговых пактов, прибегнув к своей знаменитой метафоре о спагетти: возникла такая путаница из всевозможных соглашений о свободной торговле, что их сложность и пагубные стимулы грозят погresti под собой многостороннюю торговую систему и замедляют по-настоящему многостороннюю свободную торговлю.

Работы Бхагвати по вопросам торговой политики особо отличало то, что они никогда не следовали каким-либо новомодным тенденциям. Он непоколебимо пропагандировал идею свободной торговли, даже тогда когда она была немодной. Не трудно проповедовать свободную торговлю в условиях всеобщего очарования глобализацией. Но когда в 1970-е

годы Индия была увлечена государственным регулированием и контролем, он один провидчески предупреждал о вреде государственного вмешательства. «Я всегда восхищался замечательной поэмой Рабиндраната Тагора «Идти в одиночестве», — объясняет Бхагвати. — И вот мне пришлось идти в одиночестве, потому что большое число индийских экономистов и интеллектуалов оказались приверженцами ошибочной политики».

Еще в большем одиночестве оказался Бхагвати и еще труднее ему было выступать за свободную торговлю в период нападков на Японию. Это было трудно, так как на какое-то непродолжительное время стало казаться, что свободная торговля теряет свою научную основу, отступив перед теорией стратегической торговли. Эта теория гласила, что страны могут прибегать к протекционизму как орудию промышленных рынков за счет торговых партнеров. Даже его лучший ученик, Пол Кругман, перешел в лагерь его оппонентов, хотя и временно, когда написал свою знаменитую фразу: «Свободная торговля не ушла в прошлое, но эта идея безвозвратно потеряла свою невинность... Она никогда не сможет утвердиться в качестве политики, которая по экономической теории всегда верна». Нападки на Японию приобрили ученую репутацию Бхагвати. Бхагвати продолжал отстаивать свою позицию, пока наконец не был вынесен приговор теории стратегической торговли: теоретически заманчива, но практически неприменима.

Последние работы

В настоящее время круг интересов Бхагвати, помимо вопросов свободной торговли товарами, включает также потоки капитала, рабочей силы и явление глобализации в целом. Вскоре после азиатского финансового кризиса в *Foreign Affairs* была опубликована его статья «The Capital Myth» («Миф о капитале»), в которой он выступает против либерализации потоков капитала между странами и которая вызвала много споров, но также оказала влияние на многих. В этой работе проводится мысль о том, что свободная торговля товарами качественно отличается от свободной торговли капиталом по той простой причине, что она может играть дестабилизирующую роль и дорого обходиться, так как временами ее движущей силой является «паника или мания». «Если вы выступаете за свободу торговли», — иронически замечает Бхагвати, — это не значит, что вы должны выступать за «свободное движение капитала, свободную иммиграцию, свободную любовь, вообще все свободное». Это возражение в отношении потоков капитала не является радикально новым и уже высказывалось, по крайней мере, Киндлбергером. Однако статья Бхагвати наделала много шума, так как в ней говорится о том, что призывы к либерализации операций с капиталом продиктованы не только возвышенными идеями о необходимости освобождения всех экономических операций, как с товарами, так и с капиталом. Все дело, утверждает в ней, заключается в интересах «финансово-брокерского комплекса США», как его называет Бхагвати, — влиятельной элиты в Вашингтоне и Нью-Йорке, преследующей собственную финансовую выгоду за счет развивающихся стран.

Что касается людских потоков между странами, то как истинный либерал (в британском смысле этого слова) Бхагвати предпочитает меньше ограничений, но признает, что эта область имеет существенные отличия от свободной торговли товарами. Он призывает к созданию Всемирной миграционной организации (ВМО) — но не для того, чтобы диктовать странам, что делать, а для общего наблюдения за ситуацией

по аналогии с консультациями в МВФ в соответствии с его Статьей IV. ВМО могла бы периодически и систематизировано рассматривать политику стран в отношении потоков легальных и нелегальных мигрантов и беженцев. Он надеется, что это послужит «эффектом Дракулы» — позволит выявлять и критиковать нелиберальную политику и тем самым будет способствовать распространению более правильной и более либеральной политики во всем мире. Еще много лет тому назад он предложил распространить юрисдикцию подоходного налога на граждан-эмигрантов, считая, что гражданство налагает налоговые обязательства. Идея «налога Бхагвати» недавно вновь привлекла к себе внимание в контексте поиска решения проблемы «утечки мозгов» из беднейших стран мира.

Бхагвати, кроме того, по праву называют «серым кардиналом», так как несмотря на огромную писательскую работу, он также находит время работать консультантом, делясь своей мудростью с правительствами, сотрудничая с НПО, например Организацией по защите прав человека, и являясь советником ООН по вопросам глобализации, а с недавнего времени и по развитию африканских стран, которое он считает «самой серьезной задачей нашего времени в области развития».

Неуловимая Нобелевская премия

Многие коллеги и ученики Бхагвати считают, что Нобелевская премия заслуженно увенчала бы достижения его жизни. Сам Бхагвати шутит, что если он не получит Нобелевскую премию, то окажется вторым заслуживающим ее человеком из индийского штата Гуджарат — после Махатмы Ганди, — которому отказано в этой чести. Насколько велики его заслуги для получения премии? Ведь Нобелевскую премию по экономике присуждают не за широту эрудиции и «многогранность», а за одну или две замечательные идеи, которые решают какую-либо проблему или открывают новые области исследований; она дается ежу, а не лисице. Лучше всех по этому вопросу высказался Пол Кругман, который и сам является сильным кандидатом на Нобелевскую премию: «Самым важным для меня, — сказал он в интервью «Ф&Р», — является то, что, пока этого не объяснил Джаджиш, люди не могли четко понять, как искажения в стране, ведущей торговлю, связаны с политикой. Когда он это сделал, все стало так понятно, что трудно было поверить, что кто-то должен был на это указать. По-моему, этим он заслуживает Нобелевской премии».

Однако было бы жаль, если бы мир оценивал Бхагвати только по занижающей его роль капризной мерке Нобелевской премии. Джон Мейнард Кейнс в своих «Биографических очерках» определяет знатока-экономиста как человека, который «...должен обладать редким сочетанием талантов... Он должен понимать символы и выражать их словами. Он должен размышлять о частном, оперируя общими понятиями, и единым полетом мысли связывать абстрактное и конкретное. Он должен ... стоять в стороне и быть неподкупным как художник, но иногда становиться таким же заземленным, как политик». Найдется не много людей, которые будут оспаривать, что Бхагвати относится к вымирающему племени настоящих знатоков-экономистов. Как сказал Пол Самуэлсон в юбилейном сборнике, посвященном 60-летию Бхагвати, «Джаджиш Бхагвати может по праву гордиться вкладом своей жизни в искусство и науку экономики». К счастью, спустя десять лет спустя он продолжает свое дело. ■

Арвинд Субраманиан — начальник Отдела в Исследовательском департаменте МВФ.